

УДК 171:17.037:141.338:123.1:241:18

ББК 87.3(2)6:87.3(2)53-677:87.3(2)521-536:87.3(2)522-685:87.3(2)5-636.7: 84(2Рос)

Юлия Биляловна Мелих

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии естественных факультетов Философского факультета, Россия, Москва; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yuliamelikh@yahoo.com

Борьба Н.А. Бердяева с И. Кантом о безответственности и парадоксальности в этике¹

Аннотация. Актуальность исследования связана с 300-летним юбилеем И. Канта и 150-летним юбилеем Н.А. Бердяева, а также как близостью, так и непримиримостью их идей. Новизна исследования состоит в обосновании тезиса о том, что «борьба» Бердяева с Кантом составляет основной мотив и ядро его философствования. Рассматриваются положения, с которыми боролся Бердяев. В работе «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786 г.) Кант утверждает, что пользуясь своей свободой и совершая зло, индивидуум должен видеть причину своих бед в собственной вине. Бердяев не желает брать вину и ответственность на себя, он ищет философские основания свободы до человека в ничто и в парадоксальности этики. Осуществляется компаративный анализ философствования Бердяева с идеями других философов: в новом религиозном сознании Бердяева присутствуют идея Вечного Завета, основанного на свободе, и идея свободной теургии Вл. Соловьева, которую Соловьев схематизирует через развитие философии от Ветхого Завета закона через Новый Завет Евангелия к Вечному Завету свободы. У Бердяева соловьевский подход проявляется в трех этиках – закона, искупления и творчества. Парадоксальная этика Бердяева опирается также на парадоксальную этику С. Киркегора. Бердяев отсылает к анархизму и построению философии на ничто М. Штирнера, такой подход обосновывает его «меоническую этику». Мировоззрение Бердяева сравнивается с пережившим опыт зла Н.В. Ставрогиным. Бердяев оправдывает зло как путь, который нужно пройти к творчеству. Бердяев также, как и Ставрогин, не верит в созданные им идеи до конца, более того, реализация этих идей должна вызывать «аристократическое презрение» у их автора, что объясняет их постоянную смену. Делается вывод о том, что Бердяев с успехом для себя и своего творчества побеждает в борьбе с пониманием Кантом этики долга.

Ключевые слова: борьба с И. Кантом, безответственность за зло, оправдание зла, неокантианское мировоззрение, парадоксальность этики, этика долга, меоническое творчество, свободная теургия Вл. Соловьева, анархизм М. Штирнера, история индивидуума, история рода

Julia Bilyalovna Mehlich

M. V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Natural Sciences Faculties at the Faculty of Philosophy, Russia, Moscow; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Russia, St. Petersburg, e-mail: yuliamelikh@yahoo.com

N.A. Berdyaev's struggle with I. Kant about irresponsibility and paradoxicality in ethics

Abstract: The relevance of the study is connected with the 300th anniversary of I. Kant and the 150th anniversary of N.A. Berdyaev, as well as both the closeness and irreconcilability of their ideas. The novelty of the study lies in the substantiation of the thesis that Berdyaev's "struggle" with Kant is the main motive and core of his philosophical thought. In the article the positions with which Berdyaev was struggling are analysed. In his writing on the "Conjectural Beginning of Human History" (1786), Kant argues that in exercising his freedom and committing evil, an individual must see the cause of his troubles in his own guilt. Berdyaev is unwilling to take the blame and responsibility on himself; he seeks the philosophical foundations of freedom before man in both nothingness and the paradoxicality of ethics. A comparative analysis of Berdyaev's philosophising with the ideas of other philosophers is carried out: Berdyaev's new religious consciousness contains Vl. Solovyov's idea of the Eternal Covenant based on freedom as well as his idea of free theurgy, which Solovyov schematises through the development of philosophy from the Old Testament of the Law through the New Testament of the Gospel to the Eternal Covenant of

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00748, <https://rscf.ru/project/24-28-00748/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00748, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00748/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Freedom. In Berdyaev, the Solovyovian approach is manifested in three ethics – law, redemption and creation. Berdyaev's paradoxical ethics is also based on the paradoxical ethics of S. Kierkegaard. Berdyaev refers to M. Stirner's anarchism and his construction of philosophy on nothingness; this approach substantiates his "meonic ethics". Berdyaev's worldview is compared to N.V. Stavrogin, who lived through the experience of evil. Berdyaev justifies evil as a path to be travelled towards creativity. Berdyaev also, like Stavrogin, does not believe in the ideas he has created until the end; moreover, the realisation of these ideas is to arouse "aristocratic contempt" in their author, which explains their constant changing. It is concluded that Berdyaev wins the struggle with Kant's understanding of the ethics of duty with success for himself and his work.

Key words: struggle with I. Kant, irresponsibility for evil, justification of evil, neo-Kantian worldview, paradoxical ethics, ethics of duty, meonic creativity, free theurgy of V.I. Solovyov, anarchism of M. Stirner, history of the individual, history of the species

Введение

В этом году множество мероприятий посвящены 150-ти летнему юбилею Бердяева и 300-летнему юбилею И. Канта. Цель исследования показать, что их философская встреча в статье связана не только с юбилейными датами, но в первую очередь с тем, что этика Канта задает образование ядра всей философии Бердяева. Философия Канта, естественно, существует без Бердяева, представить философию Бердяева без Канта, однако, невозможно. Постараюсь показать истинность такого сильного утверждения о сведении философии Бердяева к этике Канта, с которой Бердяев борется. Бердяев в работе «О рабстве и свободе человека» признает, что «есть определяющие идеи, которые в той или иной форме присутствовали на протяжении всего моего философского пути. Мне особенно близок дуализм Канта, кантовское различие царства свободы и царства природы, кантовское учение о свободе умопостигаемого характера и кантовские волюнтаризм, взгляд на мир явлений, как отличный от того подлинного мира, который он неудачно назвал миром вещей в себе» [1, с. 429-430]. Бердяев в трактовке истории первоначально придерживается марксистского историзма, а затем движется в направлении культурологической концепции неокантианцев. Что делают неокантианцы? Они превращают исторический дуализм истории рода и истории индивидуума Канта в историю ценностей, формулируемых индивидуумами. Историю, которую Кант рассматривает в своем небольшом трактате «Предполагаемое начало человеческой истории» с точки зрения рода, т. е. понятий, это история не единичного человека, при этом «движение, которое для рода является *прогрессом* [переходом] от худшего к лучшему, не является таковым для индивидуума»². Для индивидуума свобода разума – это зло, так как природа не ведает, она невинна, а он, индивидуум, выбрал познание и грехопадение: «Индивидууму, который в пользовании своей свободой рассчитывает только на самого себя, это изменение принесло ущерб; природа, которая в своей цели направлена на человека как на род, – выиграла» [2, с. 169]. В этой связи Кант говорит о «пороках» «окультуренного разума», а Бердяев, напротив, в трактовке культуры и истории делает основной своей установкой освобождение себя от этого окультуренного мира, от «объективации»³ в культуре. Здесь образуется основной мотив философствования Бердяева, его утверждение об определяющих его философствование идеях Канта, которое (утверждение) заканчивается фразой: «С Кантом я даже боролся» [1, с. 429]. Эту фразу, в отличие от первой части высказывания, Бердяев не раскрывает. Представляется, что борьба с Кантом начинается с прояснения Кантом положения о том, что для индивидуума свобода разума – это зло, из чего Кант заключает: «Индивидуум ... должен поэтому причину всех претерпеваемых им бед и совершаемого им зла видеть в собственной вине» [2, с. 169]. Бердяев же не желает взять вину за свободу и зло на себя – и это представляет ключ к его философствованию. Для Бердяева зло не начинается со свободы, с волюнтаризма в познании, с ведения – свобода есть до человека. Вокруг этого и выстраивается все последующее его философствование, философствование даже не оправдания себя, а вынесения себя за пределы вины.

Зло как условие творческого акта

² См.: Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1. «Трактаты и статьи» (1784-1796). Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М.: Ками, 1993. С. 169 [2].

³ См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. С. 429 [1].

В разделе о религиозной философии XX века своей книги «Владимир Соловьев и философия Серебряного века» П.П. Гайденко уделяет философскому мышлению Н.А. Бердяева, наряду с Н.О. Лосским и С.Л. Франком, целую главу с названием «Анархический персонализм Бердяева». Гайденко, с характеристикой творчества Бердяева которой я во многом согласна, обращает внимание на то, что роль персонажей Ф.М. Достоевского и прежде всего Ставрогина в «Бесах» для формирования взглядов Бердяева «трудно переоценить»⁴. В 1914 году после постановки в Художественном театре «Бесов» Бердяев публикует в «Русской мысли» статью «Ставрогин», в которой он пишет: «Поражает отношение самого Достоевского к Николаю Всеволодовичу Ставрогину. Он романтически влюблен в своего героя, пленен и обольщен им. Никогда ни в кого он не был так влюблен, никого не рисовал так романтично» [4, с. 176]. По прочтению текста становится очевидным, что эту влюбленность в Ставрогина, которую Бердяев приписывает Достоевскому, испытывает сам Бердяев, а свою характеристику Ставрогина он «примеряет» на себя. Мы должны узнать в нем самого Бердяева. Бердяев – это преодолевший свою немощь Ставрогин, призванный к новому творчеству. Кроме этого, Ставрогин, как и Бердяев, «красавец, аристократ, гордый, безмерно сильный...; все ждут от него чего-то необыкновенного и великого, все женщины в него влюблены, ... он весь из полярных противоположностей, все вращается вокруг него, как солнца» [4, с. 176]. Следует также прочесть работы Бердяева «Самопознание»⁵ и «О рабстве и свободе человека»⁶, где в таких же словах он описывает и себя.

В статье «Ставрогин» Бердяев проводит две идеи, рабом которых он становится навсегда. Это идея оправдания зла и идея непостоянства и противоречивости его идей. Бердяев пишет, что Ставрогин имеет «опыт зла». И все-таки Бердяев любит его, «никому не отдаст его, не уступит его никакой морали, никакой религиозной проповеди»⁷. Зло – это необходимый путь, утверждает он в работе «О назначении человека», анализируя грехопадение и возникновение добра и зла: «В раю не все было открыто человеку и незнание было условием райской жизни. Это – царство бессознательного. Свобода человека еще не развернулась, не испытала себя и не участвовала в творческом акте» [6, с. 47]. А грехопадение, знание открывают все способности человека, который «возжелал страдания и трагедии мировой жизни, чтобы испытать свою судьбу до конца, до глубины»⁸. Творческий акт – это рождение идей и ценностей, которые воплощаются и регулируют реальность. Создание идей, их «эманация» и соблазнение ими других – все это, по Бердяеву, характеристики Ставрогина: «Ставрогин – творческий, гениальный человек. Все последние и крайние идеи родились в нем: идея русского народа-богоносца, идея человекобога, идея социальной революции и человеческого муравейника» [4, с. 178]. Бердяев, как известно, также увлекается идеями марксизма, славянофильства, новым религиозным сознанием, анархизмом, творчеством и т. д., но, как и Ставрогин, сам он не может, передавая его же слова, «“потерять рассудок и никогда не”» может «“поверить идее в той степени, как он (Кириллов)”», и «“даже”» не может «“заняться идеей в той степени”»⁹. Более того, реализация его идей вызывает у него, как и у Ставрогина, которого он характеризует как «аристократа духа и русского барина», чувство «брезгливого презрения к собственным созданиям»¹⁰.

Под такую позицию нужно подвести философский фундамент. Нежелание или неспособность полностью принять идею теоретически, оставаться «ничейным» или собственным обосновывает любимый Бердяевым Макс Штирнер, когда говорит об эгоисте, который не может согласиться с каким-либо определением себя, более того, об эгоисте, который не желает быть и эгоистом, так как это уже родовое понятие¹¹. Бердяев для понимания Ставрогина отсылает к Фридриху Ницше, который опять же у Штирнера перенимает идею о постоянном

⁴ См.: Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 309 [3].

⁵ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Сост., предисл., подг. текстов, коммент. и указ. имен А.В. Вадимова. М.: Книга, 1991. 448 с. [5].

⁶ См.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. С. 423-696 [1].

⁷ См.: Бердяев Н.А. Ставрогин. С. 176 [4].

⁸ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Сост. Л.И. Греков, А.П. Поляков, вступ. ст. П.П. Гайденко, примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1993. С. 48. – (Серия: Библиотека этической мысли) [6].

⁹ См.: Бердяев Н.А. Ставрогин. С. 179 [4].

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с. – (Серия «Философская мысль. Pro et contra») [7].

самопреодоления. Возникает и мысль-догадка, что Бердяев также имеет опыт зла и не желает признать вину и раскаяться, а навязчиво проводит идею необходимости зла – в чем он и отличается от Ставрогина. Достоевский характеризует Ставрогина в его разговоре с Тихоном, в цитировании Тихоном Евангелия: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих» [8, с. 628]. Ставровину Тихон говорит: «Всю гордость свою и беса вашего посрамите!» [8, с. 648] Бердяев никогда не отказывается от своих идей, они остаются, висят в воздухе, а он сам остается с аристократическим презрением. Он ищет философов, понимание реальности которыми ему близко, и одним из них оказывается экзистенциалист Сёрен Кьеркегор с его болезненной попыткой вырвать стрелу из плоти, связанную с несчастьем, случившимся из-за женщины. В книге «Бердяев» из серии «Жизнь замечательных людей» автор О.Д. Волкогонова описывает: «в 1903 году, в личной жизни Бердяева произошло какое-то тяжелое событие, связанное с женщиной» [9, с. 69]. Она цитирует из письма Бердяева к матери, отсылая к работе А.В. Вадимова¹². Бердяев пишет: «Это несчастье в моей жизни, дорогая мама, я заслужил это несчастье, должен пережить его и хочу устроить свою жизнь так, чтобы оно как можно меньше сказалось на ней... Для семейной жизни я совершенно не гоюсь, по натуре я типичный холостяк, слишком занят философией и слишком люблю свободу, так что я в конце концов мало теряю» [9, с. 70]. По существу, Бердяев здесь формулирует свое кредо: все, что связано с заслуженным несчастьем, с виной, не должно влиять на его жизнь, хотя бы как можно меньше. Следуя этому кредо, это несчастье и не повлияло на его жизнь. Это проявляется сразу же, оборачивается даже парадоксом. Несмотря на отказ от семейной жизни, он в 1904 году знакомится со своей будущей женой Лидией Юдифовной Рапп. Он всю жизнь будет окружать себя женщинами.

Для Бердяева опять же встает задача подвести под свое кредо философский фундамент, им станут идеи несотворенной, меонической свободы и меонического творчества. Но так же, как и многочисленные противоречивые и сменяющие друг друга идеи Бердяева, призванные свидетельствовать о «ничейности» его философии, эти положения являются эхом идеи свободной теургии Вл. Соловьева.

Борьба Бердяева с И. Кантом

Борьба Бердяева с Кантом начинается с отвержения им «кантовско-толстовского» моралистического понимания религии, «которое, - как он пишет в работе «Новое религиозное сознание и общественность», - видит в моральности самую сущность человеческой природы, то, что делает человека человеком – образом и подобием Бога» [11, с. 26], а грехопадение – «моральным фактом», нарушающим моральный закон, что является, по Бердяеву, слишком рациональной, ограниченно-человеческой точкой зрения, производным и частным явлением человеческой психики¹³. Кант, действительно, формулирует категорический императив с опорой на разум. При этом он указывает на связь религиозного и рационального в трактовке истории рода и вида, мысля их параллельно религиозной трактовке, они объединяются в цели, которой является человек. В философское осмысление истории рода Кант вводит религиозную тему зла и вины – и ответственности за них только индивида. Бердяев пытается вывести индивида за пределы ответственности за грехопадение и утверждает: «Грехопадение совершилось в самой глубине мистической стихии мира, это таинственный акт метафизической свободы» [11, с. 27]. Акту свободы следуют, опять же посредством «мистической диалектики», искупление мира Христом и появление сознания, лучше понимающего истину Христа. В чем эта истина? Бердяев разъясняет: «Чисто моральный пафос – отрицателен, он не творческий, он отрицает зло в себе» [11, с. 31]. Поэтому и нравственность имеет «чисто отрицательный», ограничивающий и

¹² См.: Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1993. P. 58. – (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; vol. 29) [10]. – Александр Вадимов – псевдоним Александра Вадимовича Цветкова.

¹³ См.: Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. Сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: КАНОН+, 1999. С. 27. – (Серия «История философии в памятниках») [11].

воздерживающий характер. Сознание, лучше понимающее истину Христа, связано, по Бердяеву, не с моралью, а с «творческим характером религии»¹⁴.

«Творческая свобода» у Николая Бердяева. Знак надежды в падшем мире» станет темой вышедшей к 100-летию юбилею Бердяева в Германии книги Пауля Клайна. Издатель, Йоханнес Грюндель, в своем предисловии отмечает, что данное исследование мышления Бердяева «предлагает дискуссию о творчестве выдающегося русского религиозного философа нашего века и демонстрирует его значение для христианской этики и нравственного богословия»¹⁵. В предисловии Бернхард Хэринг добавляет: «Многое, что Н. Бердяев писал и говорил уже несколько десятилетий назад [и сегодня можно сказать более ста лет назад – Ю.М.], в своем истинном значении, кажется, только сегодня признается и воспринимается серьезно» [13, с. 7]. Клайн рассматривает «творческую свободу» у Бердяева как основополагающее условие, динамический принцип для «преодоления объективации». Он отмечает, что Бердяев констатирует примат свободы и указывает на недостаточность ее интерпретаций. В связи с этим Бердяев вводит, по Клайну, творчество (*das Schöpferische*) как «комплементарное восполнение свободы» (*komplementäre Ergänzung der Freiheit*), понимая, тем самым, «свободу как динамическую силу и творческий акт»¹⁶. По мнению Клайна, Бердяев «также требовал “этики творческой свободы”»¹⁷ для применения ее как принципа христианской этики, что подтверждает и близость Бердяева к Соловьеву.

Разработку темы творчества и свободы в их единстве с религиозностью находим у Вл. Соловьева в одной из его незавершенных работ, «<Планы и черновики>» предлагающего следующую схему:

Новоплатонизм — Каббала	Закон	Ветхий Завет
Бэм ¹⁸ — Сведенборг	Евангелие	Новый Завет
Шеллинг — я	Свобода	Вечный Завет [15, с. 177]

Раскрытие этой схемы Соловьев осуществляет в «Критике отвлеченных начал»: «...мир, в котором мы существуем, ... есть для нас мир внешний и чуждый, ... мы живем не в истине...»¹⁹, и Соловьев предлагает радикальное решение – в «свободной теургии», в «пересоздании» реальности, формулируя задачу как задачу эстетическую, а следовательно, посюстороннюю²⁰. Именно поэтому Бердяев выделяет философию Соловьева, в которой проявились «творческие порывы воли к Божеству»²¹ в *явлении* самому Соловьеву образа вечной женственности, божественной красоты. Свое видение Соловьев выразил, как Бердяев особо подчеркивает, эстетически в художественной форме в поэме «Три свидания»²². Оказывается, что именно в творчестве проявляет себя индивид, а до этого его вела свобода судьбы мира. Бердяев закрепляет соловьевский ход мысли к свободе в своей парадоксальной этике. Первые три раздела «Этики по сю сторону добра и зла» – это этика закона, этика искупления и этика творчества.

В парадоксальной этике Бердяевым раскрывается двойственность этической проблемы как онтологической (быть) и гносеологической (знать), решающаяся эстетически (творить). Далее, Бердяев в онтологию привносит тему свободы, которую он формулирует как «вечное

¹⁴ См.: Там же. С. 31.

¹⁵ См.: Gründel J. Vorwort des Herausgebers // Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 5-6. – (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21) [12].

¹⁶ См.: Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 102-146. – (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21) [14].

¹⁷ См.: Там же. С. 141.

¹⁸ «Бэм» — немецкий религиозный мистик Якоб Беме (1575-1624).

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. Примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 743. – (Серия «Философское наследие». Т. 104) [16].

²⁰ См.: Там же. С. 744.

²¹ См.: Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. С. 35 [11].

²² См.: Там же. С. 35-36.

богорождение из Ungrund'a»²³, отсылая к своим этюдам о Я. Беме. Тем самым Бердяев утверждает: «В творческий замысел всегда проникает элемент первоначальной свободы, свободы ничто» [6, с. 45]. Творческий акт предполагает рождение идеи, т. е. знания. Идея должна воплотиться, знанию должно следовать действие. Именно в отношении знания и действия Киркегор усматривает парадокс, который Бердяев принимает, но которому следовать он не может, потому что парадокс выводит к воле и к ответственности, а Бердяев остается в эстетике, в рождении философских идей.

Примат эстетики в творчестве Бердяева Эрих Кламрот объясняет особенностью православной традиции, опираясь на высказывание Сергея Булгакова: «“Идеальное основание православия является не этическим, а эстетически-религиозным, эстетическим; это видение ‘духовной красоты’; чтобы ее достигнуть, необходимо иметь духовное искусство, творческое вдохновение”» [17, S. 81]²⁴. В главе «Завершение» (Die Vollendung) Кламрот задается справедливым вопросом об апокалипсисе, в конце которого Богу ничего не противостоит, и констатирует: «Напрасно, однако, спрашивать, где остался меонический Ungrund, который является таким же вечным, как сам Бог. Снова и снова оказывается теория Ungrund'a в красивых мыслительных ходах Бердяева гноящейся раной, которая не хочет заживать» [17, S. 93], – несмотря на привлекательность свободы и творчества, связанных с ним.

Парадокс – завязывание узла на нити спекуляции и затемнение знания

Парадоксальная этика Бердяева отсылает нас к С. Киркегору и его размышлениями о старом моралисте Сократе в свете христианства. Согласно Сократу, по Киркегору, «грешить – это не знать»²⁵. Киркегор, в то же время, усматривает в сократовском определении частичный порок: «Его пороком ... является отсутствие диалектической категории, позволявшей бы перейти от понимания к действию. А христианство как раз исходит из этого перехода; и на протяжении своего пути оно наталкивается на грех, показывает нам его место в воле...» [19, с. 366]. Сократ, пишет Киркегор, представитель философской спекуляции, тайна которой состоит в том, чтобы не доходить до основ, «не завязывать нить узлом»²⁶, «шить бесконечно долго»²⁷, продевая иглоку взад и вперед, решая переход от спекуляции к действию тождеством бытия и мышления. Христианство завязывает узел на конце нити, останавливает спекуляцию догматом о первородном грехе и парадоксом: «верить – значит быть»²⁸, и Киркегор ссылается на «Евангелие от Матфея», цитируя: «по вере вашей да будет вам» [20, Мф. 9:29]. «Парадокс веры», отмечает Киркегор, демонстрирует «различие природы между Богом... и человеком», их несовпадение, в то время «как их вынуждает совпадать философия, поэзия и тому подобное»²⁹. Переход от мышления к действию, от знания блага к благодеянию у реальных людей не происходит мгновенно. Жизнь духа, по Киркегору, не имеет перерывов и остановок, а человек в то мгновение, когда узнает правое, не совершает его, что зависит не только от осознания правого, но и от воли. Воля может откладывать действие и тогда возможно затемнение этико-религиозного суждения, а на его место приходит эстетическое и метафизическое сознание, которое пытается «принимать и заставлять вас принимать такую ловкость рук за христианство»³⁰.

Бердяев *разделяет* этико-религиозное суждение, связанное у Киркегора дефисом, на религиозное и этическое и переносит этику по сю сторону добра и зла. В такой этике парадоксы возникают между различными сферами духовной деятельности индивида: наукой, философией, религией, этикой и эстетикой, как их трактуют неокантианцы. Соответственно, Бердяев в работе «О назначении человека» констатирует: «Ценность нравственная в узком смысле слова

²³ См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 42 [6].

²⁴ См.: Boulgakoff S. L'Orthodoxie. Paris, Alean, 1932, p. 218. – (Série: “Les Religions”) [18].

²⁵ См.: Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. Изд. 2-е, доп. и испр. Сост. и общ. ред. С.А. Исаева, И.А. Эбаноидзе, комм. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Культурная революция, 2010. С. 366. – (Серия: «Классики современности») [19].

²⁶ См.: Там же. С. 366-367.

²⁷ См.: Там же. С. 367.

²⁸ См.: Там же.

²⁹ См.: Там же. С. 372.

³⁰ См.: Там же. С. 367.

сталкивается с ценностью познавательной или эстетической, ценности жизни личной с ценностью жизни сверхличной, исторической» [6, с. 139]. Для самого Бердяева завязывание спекулятивного узла происходит в вере, он принимает парадокс веры, но Киркегором отмеченное затемнение этико-религиозного суждения, связанное со стремлением преодоления различия между человеком и Богом в *творчестве*, вынуждает Бердяева к их совпадению в эстетическом суждении, что демонстрирует пример Вл. Соловьева. Творчество самого Бердяева сводится к познанию правого, как выражается Киркегор, т. е. порождению различных философских идей, которые призваны оправдать зло и отсутствие вины за него, заставить нас принять такую ловкость рук за христианство.

Заключение

Бердяев строит свою философию на свободе, Штирнер говорит о желании человека свободы в себе и задается вопросом: «Что же вы будете иметь, если достигнете ... полной свободы? Вы будете избавлены от всего, всего, что вас стесняет... ..открывайте себя»³¹, будьте эгоистами! Бердяев следует этим правилам в «Самопознании», в котором он отказывается «публично каяться»³². Оно «сознательно эгоцентрическое»³³, все самопознание сводится к избавлению от того, что его стесняет, от несчастий, которые должны как можно меньше сказываться на жизни, от законов и ограничений, связанных с моралью. И при этом он присваивает и осваивает философию тех, кто ее разрушает – революционера К. Маркса, нигилиста Ф. Ницше, анархиста М. Штирнера. Стремясь преодолеть различие между Богом и человеком в индивидуальном творчестве, Бердяев, как сказал бы М. Штирнер, строит «свое дело на себе *Единственном* [курсив мой – Ю.М.], тогда оно покоится на преходящем, смертном творце»³⁴. Свою философию Бердяев неустанно шьет в парадоксах переходов от науки к религии, от эстетики к этике, от рода к индивиду, а также в противоречиях, продевая иголку в историю и порождая новые идеи в будущее. Конец шитья, узел, означает конец истории. Так Бердяев с успехом для себя побеждает в борьбе с этикой И. Канта.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. Сост. и вступ. ст. В.Н. Калюжного. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 423-696.
2. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1. «Трактаты и статьи» (1784-1796). Под ред. Н.В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М.: Ками, 1993. С. 151-191.
3. Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
4. Бердяев Н.А. Ставрогин // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 2. Вступ. ст., сост., примеч. Р.А. Гальцевой. М.: Искусство; Лига, 1994. С. 176-186. – (Серия: Русские философы XX века)
5. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Сост., предисл., подг. текстов, коммент. и указ. имен А.В. Вадимова. М.: Книга, 1991. 448 с.
6. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Сост. Л.И. Греков, А.П. Поляков, вступ. ст. П.П. Гайденок, примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1993. С. 19-252. – (Серия: Библиотека этической мысли)
7. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с. – (Серия: Философская мысль. Pro et contra)
8. Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях. Вступ. ст., примеч. Н. Будановой. Л.: Художественная литература, 1989. 672 с.
9. Волкогонова О.Д. Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010. 390 с. – (Серия: Жизнь замечательных людей)
10. Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Oakland, California: Berkeley Slavic Specialties, 1993. 287 pp. – (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; vol. 29)
11. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. Сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: КАНОН+, 1999. 464 с. – (Серия «История философии в памятниках»)
12. Gründel J. Vorwort des Herausgebers // Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 5-6. – (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21)

³¹ См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 149-150 [7].

³² См.: Бердяев Н.А. Самопознание. С. 7 [5].

³³ См.: Там же. С. 8.

³⁴ См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. С. 353 [7].

13. Häring B. Vorwort // Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 7-8. – (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21)
14. Klein P. Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallen Welt. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. 269 S. – (Studien zur Geschichte der katholischen Moraltheologie; Bd. 21)
15. Соловьев В.С. <Планы и черновики> // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем в 20-и т. Сочинения. Т. 2. 1875-1877. Отв. ред. А.А. Носов. Сост. А.П. Козырев, Н.В. Котрелев. Пер. с фр. А.П. Козырев. М.: Наука, 2000. С. 162-178.
16. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. Примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. С. 581-756. – (Серия: Философское наследие. Т. 104)
17. Klamroth E. Der Gedanke der ewigen Schöpfung bei Nikolai Berdiajew. Ein umfassender Überblick über das Werk dieses großen Russen des 20. Jahrhunderts. Hamburg-Bergstedt: Herbert Reich, Evangelischer Verlag, 1963. 118 S. – (Theologische Forschung. Wissenschaftliche Beiträge zur kirchlich-evangelischen Lehre; Bd. 29)
18. Boulgakoff S. L'Orthodoxie. Paris, Alean, 1932, 269 p. – (Les Religions)
19. Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. Изд. 2-е, доп. и испр. Сост. и общ. ред. С.А. Исаева, И.А. Эбанойдзе, комм. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Культурная революция, 2010. С. 285-404. – (Серия: Классики современности)
20. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Изд. 7-е. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. 1376 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Berdyaev, N.A. Stavrogin, in Berdyaev, N.A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. V 2-kh t. T. 2* [Philosophy of Creativity, Culture and Art. In 2 vols. Vol. 2], introductory article, compilation and notes by R.A. Gal'tseva. Moscow: Iskustvo; Liga, 1994., pp. 176-186. – (Russkie filosofy XX veka)
2. Kant, I. Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoy istorii [Conjectural Beginning of History], in Kant, I. *Sochineniya v 4-kh tomakh na nemetskom i russkom yazykakh, t. 1, «Traktaty i stat'i» (1784-1796)* [Works in 4 vols. in German and Russian, vol. 1, "Treatises and Articles" (1784-1796)], ed. by N. V. Motroshilova, B. Tuschling. Moscow: Kami, 1993, pp. 151-191.
3. Solov'ev, V.S. *Kritika otvlechennykh nachal* [Critique of Abstract Principles], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2-kh t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1], compiled, ed. and introd. by A.F. Losev and A.V. Gulygi, notes by S.L. Kravets et al. Moscow: Mysl', 1988, pp. 581-756. – (Filosofskoe nasledie, vol. 104)
4. Solov'ev, V.S. <Plany i chernoviki> [Plans and drafts], in Solov'ev V.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20-i t. Sochineniya. T. 2. 1875-1877* [Complete Works and Letters in 20 vols. Works. Vol. 2.], ed. by A.A. Nosov, compiled by A.P. Kozыrev, N.V. Kotrelev, transl. from French by A.P. Kozыrev. Moscow: Nauka, 2000, pp. 162-178.

Individual Works

5. Berdyaev, N.A. *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New Religious Consciousness and Public], compilation and commentary by V.V. Sapov. Moscow: KANON+, 1999. 464 p. – (Istoriya filosofii v pamyatnikakh)
6. Berdyaev, N.A. *O naznachanii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki* [On the Purpose of Man. The Experience of Paradoxical Ethics], in Berdyaev, N.A. *O naznachanii cheloveka* [On the Purpose of Man], compiled by L.I. Grekov, A.P. Polyakov, introductory article by P.P. Gaidenko, notes by R.K. Medvedeva. Moscow: Respublika, 1993, pp. 19-252. – (Biblioteka eticheskoy mysli)
7. Berdyaev, N.A. *O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii* [On Slavery and Freedom of Man. The Experience of Personalistic Philosophy], in Berdyaev, N.A. *Opyt paradoksal'noy etiki* [The Experience of Paradoxical Ethics], compiled and introd. by V.N. Kalyuzhnyy. Moscow: AST; Khar'kov: Folio, 2003, pp. 423-696.
8. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie. Opyt filosofskoy avtobiografii* [Self-Knowledge. Experience of a Philosophical Autobiography], compiled, introd., preface, text preparation, commentary and name index by A.V. Vadimov. Moscow: Kniga, 1991. 448 p.
9. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and New Testament], 7th edition. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2022, 1376 p.
10. Boulgakoff S. *L'Orthodoxie*. Paris: Alean, 1932, 269 p. – (Les Religions)
11. Dostoevskiy, F.M. *Besy. Roman v trekh chastyakh* [Demons. A novel in three parts], introductory article, notes by N. Budanova. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 672 p.
12. K'еркегор, S. *Bolezn' k smerti* [The Sickness unto Death], in K'еркегор, S. *Strakh i trepet* [Fear and Trembling], transl. from Danish by N.V. Isaeva, S.A. Isaev, 2nd edition, supplemented and revised, compiled and ed. by S.A. Isaev, I.A. Ebanoidze, comment. By N.V. Isaeva, S.A. Isaev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2010, pp. 285-404. – (Klassiki sovremennosti)
13. Shtirner, M. *Edinstvennyy i ego sobstvennost'* [The Unique and Its Property]. Khar'kov: Osnova, 1994. 560 p. – (Filosofskaya mysl'. Pro et contra)

(Monographs)

14. Gaydenko, P.P. *Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 472 p.
15. Klamroth, E. Der Gedanke der ewigen Schöpfung bei Nikolai Berdiajew. Ein umfassender Überblick über das Werk dieses großen Russen des 20. Jahrhunderts. Hamburg-Bergstedt: Herbert Reich, Evangelischer Verlag, 1963. 118 S. – (Theologische Forschung. Wissenschaftliche Beiträge zur kirchlich-evangelischen Lehre; Bd. 29)
16. Klein, P. *Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt.* Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. 269 S. – (Studien zur Geschichte der katholischen Moralthologie; Bd. 21)
17. Vadimov, A. *Zhizn' Berdyaeva: Rossiya* [Berdyaev's Life: Russia]. Oakland, California: Berkeley Slavic Specialties, 1993. 287 pp. – (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; vol. 29)
18. Volkogonova, O.D. *Berdyaev*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2010. 390 p. – (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey)

Introductions to Monographs

19. Gründel, J. *Vorwort des Herausgebers*, in Klein, P. *Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt.* Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 5-6. – (Studien zur Geschichte der katholischen Moralthologie; Bd. 21)
20. Häring, B. *Vorwort*, in Klein, P. *Die „kreative Freiheit“ nach Nikolaj Berdjajew. Zeichen der Hoffnung in einer gefallenen Welt.* Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 1976. S. 7-8. – (Studien zur Geschichte der katholischen Moralthologie; Bd. 21)